

И.Г. ЯКОВЕНКО. *Пристально глядяваясь. Кривое зеркало русской реальности. Статьи 2014–2017 годов.* М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2018. 303 с.

Человеческие миры от истоков истории до современной эпохи вмещают бесчисленное множество образов реальности, созданных ради утоления жажды ее понимания и объяснения. Изучение этих образов, или картин мира, – занятие настолько важное для гуманитарного познания, насколько и неблагодарное, коль скоро ученый стремится постичь истину и идет к ней собственным нетривиальным путем, невзирая на всевозможные конъюнктуры, общепринятые представления о «правильности» взгляда на вещи и разнообразие идеологии. И тем более если результаты размышлений и интеллектуальных открытий он представляет вниманию широкого круга читателей, расшатывая удобные схемы восприятия реальности и привычные шаблоны мышления. Именно такое исследование образов мира, отраженных в реальности культуры, – одно из важнейших направлений в сфере научных интересов российского философа и культуролога Игоря Григорьевича Яковенко.

Само название книги, объединяющей статьи недавних лет, указывает на главный сюжет, сквозным смыслом проходящий через все содержание: человеческие образы мира, которые существуют в сознании людей, групп, общностей, разных социальных слоев конкретного – не только российского – общества. Все наличные картины мира необычайно разнообразны на уровнях от отдельной личности и до обобщенных образов, носителями которых оказываются крупные социальные общности. Однако в каждой «присутствуют фрагменты, адекватные объективной реальности (часто весьма значительные по объему), лакуны (то, что объявлено несуществующим, табуировано к упоминанию, «забыто») и ложные модели» (с. 6). Картины мира отражены в зеркале реальности – но и зеркала тоже различаются в зависимости от породившей их культуры. И если зеркало искривлено, то исследователю необходимо понять, в чем причина такого искажения реальности. Что же в современной культуре оказалось настолько неадекватным, что не только люди не видят мир в целом реалистически, но и не пеняют, как в знаменитой русской поговорке, на зеркало? Ответ на этот острый и болезненный для массового и идеологизированного сознания вопрос предлагается в книге. И не только ответ; читателю также предьявлен образ мышления и научного действия, позволяющего идти к ответам на сложные и неудобные вопросы прямым путем, – как об этом говорит автор книги, «додумывать

до конца, называть все сущности своими именами и проговаривать результат вслух» (с. 7).

В книге сконцентрированы важнейшие темы современности и сюжеты, достойные развернутого исследования, – исключительная насыщенность ее содержания делает излишним его пересказ, тем более что совсем не этого требует жанр рецензии. Обозначить методологическое измерение и содержательно-смысловые векторы книги, на мой взгляд, важнее, поскольку философ не только предлагает читателю итоги авторского постижения реалий истории и культуры, но и предельно откровенно рассказывает о средствах и путях их достижения. Последнее особенно ценно, поскольку не всякий ученый-гуманитарий склонен эксплицировать свои методологические инструменты, хотя именно методологии, особенно применяемые старшим поколением ученых, оказываются школой мысли для «младого, незнакомого племени» гуманитариев. Рецензируемая книга – такая школа нестандартного мышления для молодых ученых, свободных от идеологий, мифологий и прочих оков сознания.

Основа методологии, применяемой И.Г. Яковенко, восходит к экзистенциально-мировоззренческим традициям, заложенным европейской гуманистической мыслью и русской религиозной философией. Прежде всего это неколебимая устремленность к истине, ломающая на своем пути барьеры иллюзий, лжи, мифов и идеологов. Она сообщает философу *интеллектуальное мужество* – качество и одновременно результат экзистенциального выбора в пользу истины, способность нелицеприятной критики человеческой и социокультурной реальности по принципу П.Я. Чаадаева – бичевать, огорчать, унижать – только бы не обманывать. Задавать неудобные вопросы и столь же неудобно (для аудиторной) отвечать на них, разрушая комфортные картины мира. В этом «чаадаевском» духе И.Г. Яковенко пишет, в частности, о феноменах самоуничтожения зашедших в исторический тупик и неспособных к трансформации социальных общностей и механизмах этого процесса (статья «Выведение из бытия и замещение исторического субъекта», с. 150–182), строит неоптимистические сценарии будущего, в которых возможны устранение человека как вида из-за бурного процесса технизации всей созданной человеком «второй природы» («Прошлое, настоящее и не слышном отдаленное будущее. Неоптимистические размышления», с. 251–261), и описывает историю

гонений христианской церкви на язычников, а затем инаковерующих в начале I тысячелетия новой эры (см. с. 33–39). На поверхности текстов И.Г. Яковенко – действительно жесткие характеристики и поведения, и образа жизни, и самой природы человека, которая «требует постоянной работы духа, следящего за тем, чтобы подавлять эти (низменные. – Т.С.) инстинкты и потенции» (с. 39). Однако за ними стоит подлинный религиозный христианский гуманизм, который не может мириться с «состоянием культурного автомата, в котором пребывает подавляющее большинство популяции землян» (с. 7), с подчинением человека власти, идеологическим манипуляциям и системам социальной зависимости. Сострадание и убеждение в непреходящей ценности свободы – та смысловая подоплека, которая питает у И.Г. Яковенко описание драмы исторического бытия и трагизма судьбы людей, проходящих сквозь эпохи трансформаций. И этим лейтмотивом свободы, проходящим через все тексты, размышления автора книги напоминают труды выдающегося экономиста и социального философа, еще не прочитанного и не понятого в России, – А.Ф. фон Хайека.

Ключевая интенция И.Г. Яковенко – адекватность самого процесса постижения реальности, заданная ответственным выбором в пользу истины. Адекватному описанию, интерпретации и пониманию реальности препятствуют не только и не столько лакуны информационного или источникового характера, но и многочисленные наслоения мифологического, идеологического и сакрально-нормативного порядка. Поэтому главное методологическое действие, предваряющее исследование любого сюжета – определение этих опутывающих реальность оболочек и бескомпромиссное избавление от них. Культуролог постоянно показывает читателю, как их – а имя им – легион, – определить и не поддаться соблазну принять их на веру и тем погрешить против истины. «Ученый не знает результата, к котором должно прийти исследование. Некоторое исходное представление есть, но и только. Идеолог же знает результат исходно» (с. 24), – заявляет автор книги и неустанно называет своими именами препятствия для постижения: советская атмосфера казенного оптимизма и картинка устойчивого благополучия (с. 25, 26), левая идеология и идеологии антизападничества и фундаментализма (с. 102–103), кризисная мифологизация сознания (с. 151) и идеологизация исторических источников (с. 274) и т. д. Более того, философские концепции просвещения и прогресса в их трансформированном виде тоже на поверку оказываются мифологиями (с. 19–20, 239–240). Самое большее, на что могут претендовать любые мифологии, идеологии и картины мира, – быть предметом изучения, но не влиять на результат познания.

После избавления от препятствий наступает время собственно познания, заданного подходами к сложнейшей и полной противоречий реальности бытия человека в культуре и эволюции обществ во времени. И.Г. Яковенко комбинирует два ракурса рассмотрения реальности. Первый – понимание культуры как системы, предлагающей людям «язык для описания реальности, делящей ее на значимое, первостепенное, сущностное и малозначимое, второстепенное и профанное, закладывает табу на осознание и обсуждение, формирует мифы и предубеждения» и в итоге «постоянно и многообразно манипулирует человеком» (с. 150, 264). Второй – понимание сознания и мышления человека, принадлежащего к этой культуре, социально-исторически задаваемого стадией развития общества (с. 8). Стадиальные скачки в мышлении создают и новый тип человека, который в итоге трансформирует общество и создает новую культуру. Связующее звено между этими двумя подходами – субъект-субъектный характер отношений культуры и человека, и поэтому столь плодотворные результаты дает постижение реальности через постоянную смену ракурсов: понимание человека сквозь призму взрастившей его культуры и понимание культуры через сознание и поведение ее субъектов-носителей. В методологический инструментарий И.Г. Яковенко включены также поиск биологической и культурной детерминации социальных и культурных явлений и номотетическое объяснение реалий истории и современности.

Содержательные векторы книги автор обозначил в Предисловии: проблемы человека в культуре, руссиеведческие сюжеты и осмысление всемирно-исторического процесса. Каждый из векторов отвечает на вопрос об истоках неадекватного восприятия и понимания современности, истории, культуры и бытия человека.

Рассматривая всемирно-исторический процесс в категориях сменяющих друг друга культурно-исторических типов (архаического/варварского – традиционного – модернизированного), И.Г. Яковенко сосредоточивает особое внимание на переходах от одного типа к другому как процесса культурной трансформации, драматических и трагических для переживающих их общностей, и одновременно – процесса человеческих, связанных с преобразованием не только всего образа жизни и моделей деятельности, но и сознания людей. Различия в сознании людей уходящей культуры и идущей ей на смену, по мысли философа, настолько существенны, что можно говорить о разрыве между ними и невозможности сущностного диалога между их носителями (см. с. 8). Отсюда – проблема бытия человека уходящего типа сознания и мышления в обществах, которые становятся другими и в которых начинают преобладать люди и группы с типом новым. Либо трансформировать

сознание и измениться лично, либо застыть в прежнем состоянии. Трагедия в том, что если прежние человеческие типы не трансформируются, они обречены на выведение из бытия самим ходом истории.

О том, как разворачиваются эти переходы и вместе с ними в неумолимый ход трансформации вовлекаются и обрекаются на страдание массы людей, И.Г. Яковенко рассказывает, опираясь на необозримый массив исторических данных, концептуально осмысленных в авторской культурологической модели. На материале российской истории XX в. философ показывает, как неспособные к трансформации носители сословного сознания в имперской элите не сумели адекватно ответить на императив изменения политической системы и предвидеть проигрыш России в Первой мировой войне, приведший к революции («Россия, Великая война и Революция», с. 42–57), и как большевизм родился и победил именно в России, поскольку сформировал альтернативу тем насущным экономическим и политическим трансформациям, которые в ней уже происходили, но вызвали отторжение и у традиционалистской крестьянской массы, и у радикальной российской интеллигенции («Мышление революцией», с. 137–148). При этом бегство целой страны в большевистскую альтернативу не предотвратило, а лишь усугубило процесс выведения из бытия неспособных к трансформации сознания патриархальных кругов – с одной стороны, тоталитарной властью, развернувшей репрессии (с. 167–168), с другой же – собственными усилиями людей – алкоголизацией и иными формами деградации (с. 174–175).

В книге есть и настоящий шедевр: статья «Довербальная компонента традиционной культуры» (с. 183–191), где обрисован медленный процесс трансформации сознания людей, вращенных традицией и течением истории втянутых в реальность большого общества. Слабо связанное со способностью к вербализации и рефлексии, традиционное сознание дополняется фрагментированными знаниями из современного мира и информационной среды; благодаря этому на «низовом» уровне российской действительности существуют люди с «разрухой в головах» (М.А. Булгаков), время от времени являющие свои диковинные суждения буквально обо всем на свете. Люди с этим типом сознания – феномен, уходящий в историю, но захватывающий для этого несколько поколений – судя по сохранению даже в крупных российских городах стариков, выполняющих «вечный ритуал присмотра за миром» (с. 188). Более того, И.Г. Яковенко продолжает размышления С.Л. Франка, еще в 1909 г. («Этика нигилизма») критиковавшего идеализацию традиционного простого народа и его культ, созданный российской интеллигенцией. Последняя, по мысли

И.Г. Яковенко, – такой же продукт противостояния современного образования и традиционного бэкграунда (с. 189–190), как и «низовой» человек, разрывающийся между полюсами архаики и потока современной информации и знаний. И этот феномен тоже ушел в прошлое, и его не вернуть, несмотря на усилия охранителей «особого пути».

Возможно, с первого взгляда на содержание книги И.Г. Яковенко ее востоковедное измерение и тем более значение – неочевидно. Однако проблема взаимодействия и противостояния традиционного и модернизированного, прежнего и нового исторического качества – это проблема, связанная с всемирно-историческим отношением «Восток – Запад», впервые обозначившемся со времени формирования Античного мира. О драматической коллизии противостояния вполне развитого полисного мира Карфагена новому историческому качеству большого общества Рима – статья «Клятва Ганнибала» (с. 82–104), с проведением широких исторических аналогий из более поздних времен. О механизме запуска модернизационных трансформаций через войны, в которые вовлекаются сопротивляющиеся им восточные и периферийные Западу общества, – статья «Мировые войны и всемирно-исторический процесс» (с. 242–250). Не говоря уже о России, которая представляет непредвзятому взгляду интереснейшее поле исследования коллизии восточного и западного в ее исторической судьбе. В статье «Традиционная власть и подданный: проблемы соотношения» (с. 271–294) И.Г. Яковенко разворачивает именно востоковедный культурно-политологический анализ *торможения* экономического, политического и социокультурного развития России из-за предпочтения деспотической монархии на разных этапах государственного строительства – со всеми ее традиционными азиатскими характеристиками – сакральностью, возвышением власти над законом, с идеологической санкцией от института-носителя божественной истины, подавлением самоорганизации общества и атомизацией подданных.

И именно востоковеду чтение книги приносит неоспоримую пользу. Прежде всего потому, что в ней содержится обобщенное теоретическое знание о традиционном обществе, традиционной культуре и формируемом ею традиционном сознании и его носителях, – и следовательно, есть его модель, «идеальный тип», и потому – импульс еще раз задуматься о методологии собственно научного познания – синологического, индологического, тюркологического... Но также и потому, что И.Г. Яковенко размышляет о модернизационных трансформациях, властно вторгающихся в статическую реальность традиционных обществ Востока, так же как в свое время – в реальность позднего европейского Средневековья. И о современности, в которой

после длительного колониального воздействия Восток наносит «ответный удар», устремившись на Запад и стараясь проникновением традиционализма сделать из него «нормальное восточное общество» (с. 95).

Среди восточковедных сюжетов книги отмечены модернизационные процессы в сознании народов, лишенных собственной государственности и живущих в империях. И.Г. Яковенко описывает феномен национального возрождения в XVIII–XIX вв. у европейских народов – от хорватов и сербов и до бельгийцев и итальянцев (с. 106–107). Становление национального сознания благодаря усилиям интеллигенции и среднего класса, противостояние имперской государственности, культурная работа, постепенно переходящая к политическому движению, формирование нового буржуазного сознания и оживление экономики (см. с. 108) – общие характеристики не только культурных эпох европейских народов на периферии стран «ядра» модернизации. Это феномен, обнаруживающийся в колониальных странах Востока и в империи с внутренними колониями – Российской. Сколько в дискуссии отечественных востоковедов о «восточном возрождении» было приведено аргументов в пользу истматовской схемы в поисках ренессанса в восточном Средневековье, тогда как действительно соотносимые с ренессансными процессы и движения здесь возникают в Новое время, при соприкосновении с модернизированными институтами и культурой Запада, и *осознаются* именно как *национальное возрождение* ее коллективным субъектом – национальной интеллигенцией и средним классом. От национально-культурного Индийского Ренессанса XIX – начала XX в. и китайской модернизации и до аналогичных процессов в национальных регионах-колониях Российской империи – везде обнаруживаются характеристики, описанные И.Г. Яковенко. Но чтобы увидеть их, требуется подвижная смена углов зрения, сочетание европейского и восточковедного ракурса рассмотрения.

Еще один драматический восточковедный сюжет И.Г. Яковенко анализирует на отечественном материале, где коллизия традиционных коллективных (*de facto* государственных) форм собственности и собственности частной – правоогражденной, предполагающей самостоятельного субъекта, и по сей день стоит остро (см. с. 58–81). В картине мира, отрицающей частную собственность и самое право субъекта, не вызывает возражений бедность и зависимость – как от общества, так и от власти; не признана ценность внешней свободы личности, – да и сама личность глубоко традиционна по установкам и поведению; не развита ответственность (в отличие от тотальной обязанности по отношению ко всем и вся), но по умолчанию попускается посягательство на чужое, разрушение, расточительство и вымогательство.

В обществах, с подозрением относящихся к частной собственности, как и к автономии личности, возможны такие традиционные феномены, как тождество власти и собственности, примат интересов государства над интересами человека, манипуляция людьми, обращенными в ресурс власти... Социализированный в этом доэкономическом, дорыночном обществе человек не просто воспроизводит его генеральный традиционный стереотип бытия, но и тормозит развитие рынка, его институтов, человека свободного и активного, экономически ориентированного поведения, а при удобном случае всегда с готовностью приветствует реставрацию дорыночных моделей бытия. Поэтому для восточных обществ в эпоху модернизации одного насаждения институтов частной собственности, верховенства права над государством и т. п. – мало; нужна буквально революция в сознании людей – воспитание неколебимого уважения к собственности, к труду, развитие трудовой этики, экономическое просвещение. Практически полный спектр действий, почти программу воспитания общественного сознания России философ предложил в эссе «Караул, или Печальные размышления» (с. 192–198).

Труды И.Г. Яковенко мне представляются настоящим противоядием против любого рода идеализации и превознесения традиционных обществ в любом их виде. Идеализаций, которые порой искушают востоковедов, погруженных в исследование своего объекта настолько, что в модернизационных изменениях видят едва ли не вселенское зло. Безусловно, в традиционных обществах есть своя рациональность и упорядоченность, своя этика и высокие достижения духа и культуры, но их стабильность и статика рано или поздно приводят в исторический тупик. Благостная идеализация невозможна уже из одного лишь гуманистического соображения о том, что для человека – рядового индивида, «маленького человека» традиционное общество – это мир подчинения, подавления и страдания, которое не всегда осознается, а спасение чаемо лишь в ином мире.

И столь же серьезное противоядие найдет читатель в этой книге против нынешних глубокомысленных идей об «особом пути» российской цивилизации: он грозит тупики и исчезновением любой культуре, блокирующей развитие и увлекающей свой народ в традиционность, прошлое и архаику. Это верно для всех стран и цивилизаций мира, задыхающихся от нашествия традиционализма и реанимации традиционного сознания...

Книга И.Г. Яковенко отвечает на вопрос о причинах искажения русской реальности. Зеркало – т. е. ее картина мира – искривлено неизжитой традиционностью, ее постоянными рецидивами, упорными попытками – как государства, так и самого общества – извлечь

из исторического опыта самые архаические и неадекватные его элементы, подавлением современного рационального мышления, апелляцией к эмоциям низменного порядка... *Выпрямить* это зеркало вполне под силу всем, кто признаёт эту истину и готов продолжить просветительскую работу с общественным сознанием, которая столь необходима России и которую несколько десятилетий ведёт Игорь Григорьевич Яковенко.

Т.Г. Скороходова

Скороходова Татьяна Григорьевна – Пензенский государственный университет, Пенза, 440026, ул. Красная, д. 40.

Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор Пензенского государственного университета.
skorokhod71@mail.ru

Skorokhodova Tatiana G. – Penza State University, 40, Krasnaya str., Penza, 440026, Russian Federation.

DSc in Philosophy, CSc in History, professor, Penza State University.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-217-221